

83.3(2=411.2)6-8

M21

CA-411032

16+

ЮРИЙ
МАЛЬЦЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ
БУНИН

ЮРИЙ
МАЛЬЦЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ БУНИН

Составление и научная редакция
Михаил Талалай

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ

Предисловие

Из всех заново открытых русских писателей недавнего прошлого, в течение нескольких десятилетий насильственно предававшихся забвению, Бунин, пожалуй, самый интересный и загадочный, а его второе открытие — самое ошеломляющее. Начавший свой литературный путь, когда еще жили и творили Гончаров и Григорович, Салтыков-Щедрин и Лесков, Успенский и Жемчужников, личный друг Чехова, современник Льва Толстого, с которым он не раз встречался, Бунин проделал чрезвычайно интересную творческую эволюцию и пережил Бабеля, Пильняка, Замятина, Платонова и Михаила Булгакова. Он внес в русскую литературу неслыханные дотоле темы и звучания, создал свой ни с чем не сравнимый стиль и до сих пор поражает нас своей яркой необычностью и неожиданной современностью, так и оставаясь одинокой и до сих пор до конца не разгаданной фигурой в нашей литературе.

Большая слава пришла к Бунину поздно, уже на пятом десятке лет, перед самой революцией. Но по-настоящему он был оценен даже в этот период своего наивысшего успеха лишь немногими, прозорливо увидевшими в Бунине самую крупную фигуру начала века, гораздо более значительную, нежели гремевшие тогда и его затмевавшие Леонид Андреев, Куприн и Горький (этот последний, кстати говоря, был как раз одним из тех, кто сразу оценил талант Бунина и считал его лучшим русским писателем и поэтом эпохи).

После революции, вынудившей писателя к эмиграции, Бунина почти перестали издавать в России (в 20-е годы вышло лишь четыре его небольших книжечки маленькими тиражами).

После 1928 года не только книги его были запрещены, изъяты из библиотек и уничтожены, но даже на само имя был наложен запрет. Например, в 1943 году замечательный писатель Варлам Шаламов, прославившийся впоследствии своими «Колымскими рассказами», был приговорен к 10 годам лагеря за то, что посмел назвать Бунина великим писателем.

Когда, после смерти Сталина, начали одного за другим извлекать из забвения русских писателей, среди «воскресших» оказался и Бунин. Одна за другой стали выходить и раскупаться с поразительной быстротой его книги.

Тем не менее, Бунин до сих пор остается еще почти неисследованным писателем, а многие из его произведений по-прежнему труднодоступны. До сих пор не существует полного собрания сочинений Бунина. Вышедшее в 30-х годах в Берлине собрание сочинений, редактировавшееся самим писателем, естественно, не охватывает позднего периода, а также и самого раннего (многие ранние произведения исключены из издания самим Буниным). В самое полное из советских изданий (девятитомник, изданный в 1965–1967 годах, благодаря личным усилиям А. Т. Твардовского) не вошли многие произведения Бунина, запрещенные советской цензурой, а вошедшие — подверглись многочисленным цензурным искажениям (причем не только послереволюционные, но и созданные до революции). Так что это издание не может служить надежной основой не только научного исследования, но и полноценного прочтения наследия Бунина.

Насколько велик интерес русского читателя к Бунину видно хотя бы из такого факта: посвященный Бунину 84-й том «Литературного наследия» — издания сугубо академического, читаемого обычно лишь специалистами, — разошелся мгновенно. Более того, предварительная запись на это издание в магазинах

Академкниги была прекращена задолго до того, как книга пошла в печать, и если бы издатели руководствовались элементарными соображениями спроса, а не директивой властей, это академическое издание своим тиражом побило бы многие из бестселлеров.

Под давлением столь бурного читательского интереса к Бунину советские издательства выпустили одну за другой несколько монографий о нем (отчасти, разумеется, и для того, чтобы предостеречь от «неправильного» понимания писателя). Но достаточно прочесть любую из этих монографий, чтобы освободиться от необходимости читать остальные, ибо все они написаны по одному шаблону, в строгом соответствии с общеобязательной идеологией, и дают совершенно превратное представление о Бунине.

В советских научных журналах появилось много интересных и серьезных статей, исследующих те или иные частные аспекты (главным образом, стилистические) творчества Бунина, но они, разумеется, не в состоянии восполнить отсутствие настоящих и всеобъемлющих исследований.

В последнее время в советской критике можно отметить некоторое недовольство растущей популярностью Бунина. Бунина начинают рассматривать как некую «опасность»¹ или даже соблазн, уводящий от проторенной классиками дороги, как некую излишнюю роскошь, не служащую дидактическим целям («не служит уроком», «не несет в себе нравоучения»)². На Западе Бунин пережил короткий период шумной славы, связанной с присуждением ему Нобелевской премии в 1933 году, но очень скоро Запад его забыл. Иностранная критика по-настоящему открыла Бунина лишь недавно. Но те немногие работы, которые имеются на сегодняшний день, ограничиваются главным образом лишь структурным анализом произведений писателя.

Эта книга представляет собой попытку дать по возможности полное и неискаженное представление о Бунине и осветить те важные аспекты его творчества, которые до сих пор оставались в тени.

II. СОСТАВ ДУШИ

«Я родился 10 октября 1870 г. <...> У деда была земля в Орловской губернии (в Елецком уезде), в Тамбовской и Воронежской, но, кажется, понемногу <...>. Наследство осталось от него не Бог весть какое, отец же и того не пощадил. Беспечен и расточителен он был необыкновенно. А крымская кампания, в которой он участвовал «охотником», как тогда выражались, и переезд в семидесятом году в Воронеж для воспитания детей, моих старших братьев Юлия и Евгения, способствовали нашему разорению особенно. В Воронеже — то и родился я. Там прошли первые три года моей жизни <...>. Но расти в городе мне не пришлось. Страсть к клубу, к вину и картам заставили отца через три с половиной года возвратиться в Елецкий уезд, где он поселился в своем хуторе Бутырки. Тут, в глубочайшей полевой тишине, среди богатейшей по чернозему и беднейшей по виду природы, летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов, и прошло всё мое детство, полное поэзии печальной и своеобразной», — пишет Бунин в своей автобиографии (Пг. VI. 321).

Этот вынужденный возврат в деревню, удачно совместившись с заложенной в мальчике природной склонностью, способствовал развитию у Бунина того качества, которое можно было бы определить как упоение красотой природы и которое в такой интенсивной степени мы обнаруживаем в русской

литературе лишь у Фета и Пастернака. И только у Тютчева находим такое же торжественно иератическое изображение природы, переходящее в мистику. «Я любил, я просто был влюблен в природу. Мне хотелось слиться с ней, стать небом, скалой, морем, ветром. Я мучился, не умея этого выразить словами. Я выходил утром страстно взволнованный и шел в лес, как идут на любовное свидание», — передает слова Бунина Ирина Одоевцева⁵¹. Еще совсем маленьким мальчиком он будил свою сестренку Машу, и они с ней вылезали тайком через окно в сад, чтобы встретить на гумне восход солнца. Впоследствии Бунин любил щегольнуть своим знанием природы. «Которое нынче число? Если бы я даже не знал какое, я бы и так, кажется, мог сказать, что это конец июля — так хорошо знаю я все мельчайшие особенности воздуха, солнца всякой поры года <...>. Уже по одному тому, как высока крапива, мог бы я безошибочно определить, какое сейчас время лета. А кроме того, сколько едва уловимых, но мне столь знакомых, родных с детства, совсем особых запахов, присущих только рабочей поре, косьбе ржаным копнам!»⁵² Он часто высмеивал других писателей, даже прославленных (Надсона, М. Горького и пр.), за ошибки и некомпетентность в описаниях природы. Можно сказать, что с Буниным в нашу литературу в этой области (как и в некоторых других) пришел профессионализм. Позднее дружба с художниками научит его привлекать в помощь природной остроте глаза профессиональные приемы новой живописи. «Во времена Гёте и Байрона в лунном свете видели только серебристый оттенок, теперь этих оттенков бесконечное множество», — скажет он впоследствии⁵³. И Корней Чуковский в своей статье, написанной для журнала «Нива» в 1914 году точно отметит: «Его степной, деревенский глаз так хваток, остер и зорок, что мы все перед ним — как слепцы. Знали ли мы до него, что белые лошади под луною зеленые, а глаза у них фиолетовые, а дым — сиреневый, а чернозем — синий, а жнивья — лимонные? Там, где мы видим только синюю или красную краску, он видит десятки полутонов и оттенков...»⁵⁴

V. «МОДЕРНОСТЬ»

Бунин по-настоящему вошел в русскую литературу почти одновременно с появлением русского модернизма, и соотношение его творчества с литературным авангардом полно интереснейших созвучий и контрастов. Правда, никто не способствовал так затуманиванию этого вопроса, как сам Бунин. Его яростные выступления против декадентов, символистов, футуристов, акмеистов и т. д., и ненавязчивость новаторских приемов в собственном творчестве, его «модерность» (как он сам выразился¹⁹⁶), привели к тому, что долгое время он считался старомодным писателем, целиком вписывавшимся в классическую реалистическую традицию. Этому способствовала его близость к «знаньевцам», выступавшим в защиту реализма, хотя группа эта на самом деле была очень разнородна и в отличие от других литературных группировок никогда не провозглашала общих программных принципов.

Мы уже говорили о том, сколь далек Бунин от традиционного реализма и своим мироощущением и своей поэтикой (эту несхожесть всегда признавал и он сам¹⁹⁷). И тем более был далек он от описательного бытовизма «знаньевцев». Даже традиционные на первый взгляд для реализма темы и жизненные ситуации решаются Буниным совершенно по-иному и очень своеобразно. Но особенно эта несхожесть с реализмом бросается в глаза при чтении его произведений, созданных в первое десятилетие нашего века.

Близость Бунина к символистам в конце 90-х — начале девятисотых годов признают сегодня почти все критики, за исключением ортодоксальных советских. В этот период Бунин был в близких дружеских отношениях с Бальмонтом и Брюсовым. В период близости к Цакни Бунин был фактическим руководителем газеты «Южное обозрение» и охотно публиковал в ней произведения Бальмонта и Брюсова. Газета «Южное обозрение» одна из первых начала печатать произведения русских модернистов Н. Минского, Д. Мережковского, Ф. Сологуба, З. Гиппиус и других. Брюсов замечает в своем дневнике: «Мои стихи напечатаны Буниным в своей газете. Что бы там ни было, всё же это первые мои стихи, напечатанные не мною самим»¹⁹⁸. В свою очередь Брюсов позже (1901 г.) издал в символистском издательстве «Скорпион» бунинский сборник «Листопад».

В 1901 году, когда отношения Брюсова и Бунина стали разлаживаться, Бунин писал Брюсову (5 февраля 1901 г.): «...Огорчен Вами. Почему я исключен из "Северных цветов?" <...> Вы знаете, что ко всем Вам я питаю очень большое расположение, как к товарищам, к немногим товарищам, дорогим мне по настроениям и единомыслию во многом»¹⁹⁹.

Но даже разрыв с Брюсовым не помешал Бунину в последующие годы печатать свои произведения в символистских журналах, альманахах, сборниках и издательствах («Золотое руно», «Перевал», «Карабли», «Факел», «Гриф», «Шиповник» и др.) Любопытно отметить, что критика тех лет была полностью дезориентирована этой непонятной двойственностью Бунина, и в то время как одни поносили его или хвалили за модернизм²⁰⁰, другие хвалили за верность традициям²⁰¹. Но в целом, надо сказать, что русские модернисты не поняли всю огромность и необычность Бунина. Позже Вейдле воскликнет с удивлением: «И как ухитрились проглядеть бунинское искусство в том самом литературном лагере, где только и была художественная культура, достаточная для его оценки»²⁰². Один лишь Белый, правда, с запозданием, признал это²⁰³. Высказывания же о Буине

VI. ЗАГАДКИ РУССКОЙ ДУШИ

Начало революции 1905 года (октябрьская всеобщая забастовка) застало Бунина в Крыму, где он гостил в семействе Чехова. Взволнованный неслыханными событиями Бунин немедленно покидает тихий крымский курорт и устремляется в Одессу. По дороге, в Севастополе, узнает о том, что выпущен царский манифест, дарующий свободу слова, союзов и прочие свободы. «Взволновался до дрожи рук, — записывает Бунин в своем дневнике, — «...» прочел, наконец, манифест! Какой-то жуткий восторг, чувство великого события»²⁸⁷.

При всем его неверии в «прогресс» Бунин, как и всякий русский интеллигент, лелеял мечту о свободе. Позже в одном из своих интервью²⁸⁸ он даже скажет, что тяготеет к социал-демократии (что он имел под этим в виду, остается и по сей день загадкой, во всяком случае, конечно, не конкретную политическую борьбу этой партии и не ее программу).

Но наблюдая революцию вблизи, сначала в Одессе, потом в Москве и в деревне, он остро почувствовал, что за красивой революционной риторикой кроется жуткая и бессмысленная кровавая реальность революционной практики. В отличие от Горького, который в полном соответствии с идеологией «классовой борьбы» приветствует кровопролитие (в его письме Пешковой читаем: «Убитые — да не смущают — история перекрашивается в новые цвета только кровью»²⁸⁹), Бунин был поражен

вспышками злобы и жестокости с обеих сторон: и со стороны бунтующих толп, и со стороны усмирявшей их власти. И не менее, чем жестокостью — разгулом демагогии («полиция была снята во всем городе "по требованию населения", то есть, Думой по требованию ворвавшейся в управу тысячной толпы»²⁹⁰), и абсурдностью уже никем и ничем не контролируемых поступков («ехал по Преображенской целый фургон солдат с ружьями, — возле гостиницы "Империяль" они увидали кого-то в окне, остановили фургон и дали залп, по всему фасаду. — Я спросил: по ком это вы? — На всякий случай»²⁹¹). Поражен Бунин и неизменно сопутствующими всякой революции гнусностью и жестокостью распоясавшейся черни (грабежами, убийствами, насилиями, поджогами).

Революционные события побудили Бунина к особо интенсивным размышлениям над характером русского народа и русской истории. Раздумья эти занимали его давно, но лишь через несколько лет после первой русской революции им были созданы произведения, которые можно считать зрелым плодом этих размышлений — повесть «Деревня» и последовавшие за ней «крестьянские рассказы», — произведения, которые сразу поставили Бунина в центре всеобщего внимания и заставили говорить о нем всю мыслящую Россию.

В эти же годы еще два важных события произошли в жизни писателя. В ноябре 1906 года он знакомится с двадцатипятилетней Верой Николаевной Муромцевой, девушкой из старинной и почтенной московской семьи, племянницей выдающегося русского общественного деятеля Сергея Андреевича Муромцева, председателя Первой государственной думы. Вскоре Муромцева становится гражданской женой Бунина (церковный брак с Цакни удалось расторгнуть лишь много лет спустя уже в эмиграции, в Париже в 1922 году, и только тогда Бунин обвенчался с Муромцевой). В апреле 1907 года они отправились в свадебное путешествие за границу — на Ближний Восток (Турция, Греция, Египет, Сирия, Ливан, Палестина). Путевые заметки об

Х. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

Над романом «Жизнь Арсеньева» Бунин работал, с перерывами, с 1927 по 1939 год (первые четыре главы написаны в 1927–1929 годах, после трехлетнего перерыва Бунин приступил к писанию 5-й части, которая в 1939 году была издана отдельно в Брюсселе под названием «Лица»). Но первые наброски к роману написаны уже в 1921 году («Безымянные записки», «Книга моей жизни» и проч.), а философски–религиозные «мечтания» (этим словом Ильин определил⁶⁴² новый жанр, созданный Буниным) — «Цикады» (1926 г.) — тоже фактически являются подступом к роману.

Первые четыре части романа скрупулезно воскрешают детство и юность самого Бунина (хотя он очень не любил, когда этот роман называли его автобиографией). В пятой же части — Бунин хотя и воссоздает в общих чертах историю своей любви к Варваре Пашенко, но сильно видоизменяет и окружающую обстановку (дом семейства Лики это не дом Пашенко, он скорее своей атмосферой и некоторыми деталями напоминает дом первой жены Бунина — Цакни) и сам образ Пашенко: вначале Лица почти целиком совпадает с Пашенко и характер ее отношений с Арсеньевым соответствует отношениям Вари и Бунина, но затем (во время совместной жизни в Полтаве) Лица всё более становится такой, какой сам Бунин мечтал видеть Варю — слабой, покорной, любящей, преданной, преклоняющейся перед его

талантом, и эта неожиданная метаморфоза делает образ Лики менее убедительным и противоречивым. Это, пожалуй, единственная слабость в почти совершенном создании Бунина. Сам Бунин оправдывал эту противоречивость желанием создать некий неуловимый, лишь смутно намеченный, а не очерченный с реалистической определенностью женский образ. «Образ ее неясен? А мне казалось, что он ясно вышел — в смысле общеженского молодого, в его переменчивости, порождаемой изменением ее чувств к "герою", кончившимся преданностью ему навеки, — читаем в письме Бунина М. В. Карамзиной. — Я только *это* и хотел написать, — не резко реальный образ, — резкость уменьшила бы его тайную прелесть и трогательность»⁶⁴³.

«Жизнь Арсеньева» — уникальная книга в русской литературе, она, быть может, занимает в ней такое же место, как «В поисках утраченного времени» Пруста в литературе французской. Непосредственного влияния она — по множеству причин — на русскую литературу сразу не оказала...

Лишь гораздо позже — другой столь же одиноко стоящий в русской литературе роман Пастернака «Доктор Живаго» повторит многие черты, привнесенные впервые Буниным.

Бунин говорит, что он прочел Пруста лишь после того, как написал первые части своего романа, и сам удивился схожести. И действительно, «Жизнь Арсеньева» это вовсе не автобиографическое произведение вроде трилогии Толстого или повести Аксакова, где пересказывается собственная жизнь, рассматриваемая на некоторой поэтической дистанции, где повествующее «я» не становится персонажем, а эпическое прошлое остается «абсолютным прошлым» (по терминологии Бахтина⁶⁴⁴), не связанным и не взаимодействующим с настоящим.

Как и у Пруста, у Бунина мы находим не воспоминания, а память — то есть некую совершенно особую духовную сущность, понимаемую художником как суть искусства и даже жизни (Пруст писал, что память — это не момент прошлого, а нечто общее и прошлому и настоящему, и гораздо существеннее их

XI. «СИЛЬНА КАК СМЕРТЬ»

Последний период жизни Бунина исполнен трагизма. Тоска от кажущегося всё более безнадежным положения в России и в мире, нищета, тяжелые болезни, непрестанные думы о приближающемся неизбежном конце.

Накануне Второй мировой войны Бунин тяжело переживает наступление на весь мир тоталитаризма: советского коммунизма и немецкого национализма. Что такое советский коммунизм он знал очень хорошо, с немецким же национал-социализмом он имел случай столкнуться в октябре 1936 года: на обратном пути из Праги (где он выступал с чтением своих произведений) во Францию Бунин был задержан в Линдау немецкими пограничниками, раздет при обыске догола, подвергнут унижительному допросу и беспричинному задержанию. А в ноябре того же года он знакомится и с итальянским фашизмом: в Риме, во Флоренции и в Пизе за ним так навязчиво следят тайные агенты, что он даже посылает телеграмму Муссолини с просьбой освободить его от такой трогательной заботы.

В конце декабря 1939 года Бунин вместе с другими выдающимися деятелями русской культуры (Рахманиновым, Набоковым, Бердяевым, Ремизовым, Мережковским др.) подписывает протест против нападения Советского Союза на крошечную Финляндию⁶⁸⁶. Позже он тяжело переживает капитуляцию Финляндии. «Вчера страшная вестъ — финны сдались, — записывает

он в дневнике 14-марта 1940 года, — согласились на тяжкий и позорный мир. Даже ночью, сквозь сон, всё мучился...»⁶⁸⁷.

Еще более тяжкое впечатление произвела на него оккупация Советским Союзом Эстонии, Латвии и Литвы. Незадолго до того, весной 1938 года, Бунин совершил турне по этим прибалтийским республикам и видел своими глазами их благополучие и свободу. «Давно ли я видел их со всей их национальной гордостью, их президентами, их процветанием и т. д.!»⁶⁸⁸. Всё это сменилось массовыми арестами, расстрелами, пытками и депортациями в Сибирь.

О падении Парижа Бунин узнает в Грассе, где он и остается жить до конца войны на вилле Жанет. Сталин поздравляет Гитлера со «славной победой». Молотов похвастается совместным советско-немецким разгромом и разделом несчастной Польши и презрительно издевается над западными демократиями, которые ведут войну с нацистской Германией в защиту якобы «буржуазных свобод». Бунин с испугом следит теперь за судьбой Англии. «Томительное ожидание разрешения судьбы Англии. По утрам боюсь раскрыть газету»⁶⁸⁹. Немецкие самолеты, бомбившие Англию, заправлялись советским горючим, а летчики прошли в свое время стажировку на советских аэродромах.

Наконец, нарушив тайный договор со Сталиным о разделе мира и официальный пакт о ненападении, Гитлер в роковом для него, но спасительном для человечества безумии направляет удар на своего союзника. Кремлевский тиран, ошеломленный этой неожиданностью, вступает в войну совершенно неподготовленным, и русский народ платит за эту неподготовленность в первые месяцы войны сотнями тысяч жизней.

Бунин, как многие русские, испытывает противоречивые чувства⁶⁹⁰. С одной стороны, он понимает, что военное поражение Сталина — единственная надежда на перемены в России, с другой — уж очень омерзителен враг, и при известиях о взятой немцами русских городов у него сжималось сердце.

Жизнь на вилле Жанет становится всё более тяжелой. На завтрак — капустные листья, вареные в воде, на обед —

Оглавление

Юрий Мальцев

Неизвестный Бунин	7
Предисловие	7
I. Прапамять	10
II. Состав души	29
III. Смутность	45
IV. Перелом	70
V. «Модерность»	106
VI. Загадки русской души	160
VII. Живая жизнь	209
VIII. Окаянные дни	251
IX. Элизий памяти	276
X. Феноменологический роман	317
XI. «Сильна как смерть»	337
Разрушитель авторитетов	369

Дополнение

Забытые публикации Бунина	376
«Устами Буниных»	397

Приложение

Татьяна Двинятина

О книге Мальцева «Иван Бунин»	403
-------------------------------------	-----

Михаил Талалай

Литературовед и «его» литература	424
--	-----

Примечания	431
------------------	-----

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**